

Легенда об Александре Пушкине

I.

Петербургская светлая полночь давно уже спустилась на землю, когда Александр Сергеевич Пушкин возвращался домой. Под неостывшим ещё впечатлением веселой, шумной пирушки, шел он теперь домой, погруженный в свои думы. Вот он прошел Литейный проспект; вот повернул на Невский, как вдруг какое-то живое существо преградило ему дорогу.

Вернувшийся к действительности поэт был неприятно поражен. Перед ним, лицом к лицу стояла сгорбленная старуха и пристально, бесцеремонно его разглядывала.

«Какие неприятные глаза», — подумал он, чувствуя даже смущение от неожиданного сеанса.

— Вы, Александр Сергеевич Пушкин?.. — вдруг спросила старуха смутившегося поэта.

— Я.

— Ради Бога зайдите ко мне... Я живу недалеко отсюда...

В глазах старухи, уже не было того выражения, которое с минуту назад, так неприятно поразило поэта. Они были полны мольбы, страдания и даже слёз.

— Но кто вы такая... Что вам нужно от меня?..

— В голосе Пушкина слышались раздражение и досада.

— Именем всего святого, всего дорогого, умоляю вас следовать за мной. Там вы узнаете в чем дело, а теперь...

Старуха не договорила. Спазмы сдавили ей горло. По морщинистому, желтому лицу её, катились крупные слёзы.

— Но я устал и нравственно и физически.

— Умоляю! Сжальтесь!.. Я на коленях буду просить вас!.. — с отчаяньем проговорила старуха, протягивая к нему свои длинные, костлявые руки.

— Что вы? Что вы?! Встаньте! — проговорил поэт, поднимая опустившуюся на колени старуху и смущенно оглядываясь кругом. Вблизи никого не было.

— Я согласен! Ведите меня к себе, — проговорил он растроганным голосом.

II.

— Но куда же вы меня ведете? — тревожно спросил Пушкин, спускаясь по темной отвратительной лестнице в какой-то подвал.

— Ради Бога не бойтесь, ещё несколько ступенек, и мы будем дома...

— Ужасная лестница! — выходил из себя Пушкин.

— Вот мы и пришли... — заявила старуха, отворяя дверь своей таинственной квартиры.

Тревожное неприятное чувство, всё время не покидавшее поэта, усилилось ещё больше, когда они переступили порог этого мрачного таинственного жилища.

Комната, куда они вошли, была бедно и как-то странно обставлена. Старинная барская мебель, чинно расставленная по стенам и углам — поражала своим удрученным видом. Посреди комнаты стоял круглый стол, покрытый черным сукном, с вышитыми на нём черепами и костями людей. На столе навалена была целая груда карт и лежал молоток. Огромный черный кот с взъерошенной спиной и хвостом сидел на железном сундуке и злобно смотрел на незнакомого гостя.

— Скажите куда я попал? — спросил поэт, — и что вы хотите от меня?..

— Ради Бога потише... — шепотом проговорила старуха.

— Но что же всё это значит?.. — выходил из себя поэт, начинавший уже не на шутку бояться окружавшей его таинственности.

— Она умирает вот здесь, в соседней комнате...

— Умирает?.. Кто умирает?..

— Эльвира, моя дочь... Её погубили люди. Все люди злы, как сатана... Они оттолкнули её от себя только потому, что она дочь колдуньи!..

— Колдуньи? Так ты колдунья?! — в ужасе воскликнул поэт.

В это время, в соседней комнате раздался стон умирающей.

— Умирает... Умирает!.. — с отчаяньем заговорила колдунья. — Каких-нибудь пятнадцать, двадцать минут, и не станет моей несчастной Эльвиры...

Руки её бессильно опустились. Глаза наполнились слезами.

— Сжальтесь над ней... — обратилась она вдруг к поэту. — Войдите к ней... Она увидит вас и умрет спокойно... Всю жизнь она мечтала об этой встрече. Она боготворит вас... Ваши чудные, неземные песни пленили её сердце, покорили рассудок... Так неужели же вы останетесь глухи к моим мольбам? Неужели вы не сжалитесь над ней?..

— Ведите меня к умирающей девушке, — решительно заявил поэт.

Старуха скрылась в соседнюю комнату. Через минуту, она вернулась обратно и заявила, что Эльвира ещё не пришла в сознание.

— Но она придет в себя, чтобы повидаться с вами... Она так просила, так умоляла об этом...

— Но неужели же вы, колдунья, не можете спасти её от смерти своими чарами?..

— Не могу... — уныло проговорила старуха. — Я только лишь гадаю на картах.

Поэт иронически улыбнулся.

— Я не верю гадалкам, они всегда обманывают...

— Я, старая, религиозная немка, — возразила старуха, — и никогда никого не обманывала...

— Но я не верю ни в карты, ни в приметы...

— Не верите? Но зачем же вы носите в своем кошельке неразменную старинную монету, с которой никогда не расстаетесь?..

Пушкин удивленно посмотрел на старуху.

— А этот перстень?.. Вы с ним тоже никогда не расстаётесь... Это ваш талисман...

— Но откуда вы всё это знаете?.. — испуганно воскликнул поэт.

И вдруг он уверовал в старуху и у него явилось странное, непреодолимое желание узнать своё будущее.

Старуха угадала его желание, и указала ему на круглый стол.

— Ради Эльвиры, для которой вы так много сделали, я берусь сегодня за своё обычное ремесло. Я знаю, что это будет приятно ей. Но клянусь вам вечным спокойствием дочери, что больше никогда никто не узнает от меня своё будущее. Возьмите карту...

Пушкин повиновался. Карта, которую он взял, оказалась дама треф.

И вдруг ужас и страх наполнили его сердце.

«А что если будущее будет ужасно?» — подумал он. — «Что тогда?» И он готов уже был отказаться от своего желания, как вдруг старуха трижды ударила молотком по столу.

Огромный кот, услышав знакомый сигнал, в один миг очутился на столе около своей хозяйки.

— Карту! — сердито закричала на него старая колдунья.

Кот схватил передними лапами одну из карт и подал её старухе, которая таким образом заставила его подать ей ещё карту, и ещё — словом три карты.

— Эта дама, — начала старуха, указывая Пушкину на даму треф, — будет источником как бесконечного счастья, так и бесконечного несчастья для вас... В день Вознесения... никогда не забывайте этот день! Он большую роль будет играть в вашей жизни!.. В этот день вы будете помолвлены с ней, но не пройдет и десяти лет, как...

— Что как?.. — перебил Пушкин, затаив дыхание.

— Как вы... Берегитесь белой лошади и белой головы!

Старуха замолкла. Бледный, с блуждающим лихорадочным взглядом, сидел поэт за круглым столом и смутно понимал окружающее и происходившее.

Вдруг, новый стон раздался в соседней комнате.

III.

А там, в той комнате, откуда слышался стон, лежала умирающая Эльвира, покрытая белой простыней.

Поэт целую минуту простоял в дверях, не решаясь войти в чертоги царившей здесь смерти.

Свечи тускло горели у изголовья умирающей девушки, распространяя кругом зловещий полумрак.

Лицо Эльвиры покрыто было белым покрывалом.

Поэт отвел свой лихорадочный взор от белого савана и оглянулся кругом. Странно! Все стены были увешаны его портретами и картинами изображающими различные сцены из его поэм, песен и баллад.

— Подойдите к кровати, — проговорила шепотом старуха.

— Она все ещё в забытьи... Я открою вам её лицо...

Но Пушкин безмолвно и неподвижно стоял всё на том же месте. Боязнь увидеть сейчас искаженное смертью лицо, окоченелые члены, — боролись в его груди с страшным любопытством.

— Не бойтесь. Подойдите! То, что вы сейчас увидите, не испугает вас.

Поэт подошел. Старуха откинула покрывало.

Сколько чудных, дивных женских образов воспел поэт своею многострунной громкой лирой... но и те, чудные образы, померкли, в сравнении с неподвижно лежавшей Эльвирой! Такой прелестной, идеальной красоты, он никогда и нигде не встречал.

Чудные, золотистые волосы её закрывали собою всё изголовье постели и густыми пышными волнами ниспадали на землю. А эти тонкие, художественные очертания носа, этот пленительный разрез рта, эта нежная, белая шейка, руки, бюст... У какой из воспетых им красавиц были такие природные богатства?..

Старуха поняла поэтический восторг своего гостя.

Гордая, самодовольная улыбка на одну секунду осветила её страдальческий образ.

— На этом бледном, прекрасном челе, виден уже отпечаток смерти, — проговорил очарованный поэт. — Но прежде, когда на этих прозрачных щеках играл яркий румянец — тогда я думаю Эльвира была ещё привлекательней?..

— В сто раз...

— А глаза?.. Я не видел её глаз...

— Глаза её глубоки, как море... Прекрасны, как лазурь... Добры, как целый легион серафимов.

— Но я не увижу их?

— Увидите... Очень скоро увидите...

— Но отчего же она умирает?..

— Она не хочет жить... Она приняла яд...

Отчаяние и ужас отразились на лице поэта...

— Она безгранично любила двоих, — продолжала старуха. — Одного — всем пылом своей юной, девственной любви, но он бесчеловечно оттолкнул её, когда узнал, что мать её колдунья... Она не пережила горя... Она решилась умереть. Другого она любила идеально... Эта страстная, необъяснимая любовь достигла в конце концов чудовищных размеров.

— Но кто же это другой?.. — перебил её Пушкин.

— Другой — это вы... она приходит в себя...

Эльвира открыла свои большие чудные глаза и бескровное лицо её вдруг осветилось счастливою улыбкой.

— Какой дивный сон, — едва слышно проговорила она, — великий поэт пришел ко мне, чтобы навсегда закрыть мне глаза.

— Дорогая Эльвира, — заговорила старуха, — перед тобой не сон, не призрак, а обожаемый тобой поэт.

Умиравшая девушка отрицательно покачала головой.

— Если передо мною не призрак поэта, а сам поэт, — проговорила она, — то пусть он заговорит с нами...

— Да, дивное, неземное создание, — вдохновенным голосом заговорил Пушкин, — перед тобою стоит сам поэт, тобою очарованный!..

Умиравшая девушка вдруг поднялась с подушек и села на постель. Глаза её блестели счастьем. На губах играла улыбка. По всему личику разлилось какое-то особенное неземное блаженство...

— Вы плачете? — спросила она поэта, заметив его обильные слёзы.

— Эти холодные, бездушные стены не могут удержаться от слёз... — рыдая проговорил Пушкин.

— О какое счастье, какое блаженство умереть на руках нежно любящей матери и своего кумира... своего идеала. Эти минуты примирили меня с жизнью... Я благословляю тот день, в который...

И... она не договорила. Тихо опустилась она на подушки и заснула... вечным непробудным сном.

На прекрасных губках уснувшей красавицы застыла счастливая улыбка... Эта лучшая награда поэту за его вдохновенные чудные песни!..

Она примирила его с белой лошадью и белой головой, и со всеми невзгодами жизни...